

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ЭРЗЯН

Баляев С.И., Ионов М.С.

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева», Саранск, Россия (430005, Саранск, ул. Большевикская, 68), e-mail: balyaevsi@mail.ru, ionovams@mail.ru

Проведен этнопсихологический анализ этнической идентичности эрзян и мокшан, обозначены теоретико-методологические принципы применения социально-психологического подхода к исследованию психологического фона межэтнического взаимодействия в Республике Мордовия. На основе эмпирического исследования выявляется неоднородная этническая идентичность студентов-эрзян («мордовская» и «эрзянская»), показана ее связь с этническими установками. Эрзянские респонденты продемонстрировали достаточный уровень позитивного отношения к своему этническому статусу, при полном отсутствии этноцентрично настроенных ответов и минимальном уровне этнонигилизма. Однако достаточно высокий уровень этноиндифферентности говорит о формальном, декларативном статусе этой идентичности у эрзянских студентов, которая в лучшем случае проявляет себя как языковая или идентичность по месту проживания. В вопросах брака, семьи, бытовых контактов национальные предпочтения эрзян все больше приобретают второстепенный характер, в отличие от мокшан, и особенно татар. Этноаффилиативные потребности эрзянских студентов носят слабовыраженный характер, личностные предпочтения не взаимосвязаны с национальными, что говорит о низком уровне значимости этнокультурных ценностей для современного молодого эрзя.

Ключевые слова: этническая идентичность, эрзя, этнические стереотипы.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF ETHNIC IDENTITY OF ERZYA STUDENTS

Balyaev S.I., Ionova M.S.

Mordovian State University n.a. N.P. Ogarev, Saransk, Russia (410005, Saransk, street Bolshevistskaya, 68), e-mail: balyaevsi@mail.ru, ionovams@mail.ru

Ethnopsychological analysis of ethnic identity and Erzya and Moksha have been made, theoretical and methodological principles of the application of social and psychological approach to the study of the psychological background of interethnic interaction in the Republic of Mordovia have been pointed out. The study revealed heterogeneous ethnic identity of Erzya students ("Mordvinian" and "Erzya"), its relation to ethnic attitudes. Erza respondents demonstrated a sufficient level of positive attitude towards their ethnic status, without any ethnocentric responses and minimum ethnonihilism. However, a fairly high level of ethnic indifference shows formal declarative status of this identity in Erzya students, which is best revealed as a linguistic identity or one according to place of residence. In matters of marriage, family, household contacts Erzya national preferences are of secondary character, unlike Moksha and especially Tatars. Etnoaffiliative needs of Erzya students are of ill-defined character, personal preferences are not correlated with national ones, indicating a low level of significance of ethnocultural values for a modern young Erzya.

Keywords: ethnic identity, Erzya, ethnic stereotypes.

В настоящее время проблема этнической идентичности финно-угорских народов закономерно представляет большой интерес как для этнографов, историков, так и для социологов, психологов. Особенно актуальным сегодня является применение принципов междисциплинарного подхода к проблеме этнической идентичности эрзян и мокшан.

Целью нашего исследования является выявление психологической специфики этнической идентичности студентов-эрзян.

Теоретико-методологической основой данного исследования являются концептуальные разработки Л. М. Дробижевой, Н. М. Лебедевой, В. П. Левкович, Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, других авторов в области социальной этнической психологии.

Этническая идентичность – это осознание человеком, группой своей отнесенности к определенному этническому «Мы», которое соотносится с каким-то или какими-то «Они». Необходимыми условиями формирования и развития этнической идентичности является существование межэтнического общения, включенности в этноконтактное пространство, которое дает толчок для осознания собственного отличия, а значит, и специфики. На личностном уровне этничность характеризуется как «когнитивно-эмоциональное образование, выражающее пристрастное, глубоко личностное отношение человека к своему этническому статусу, наделение его личностным смыслом» [5, с. 45].

В условиях политических и экономических проблем и кризисов часто единственной стабильной формой групповой самоидентификации остается идентичность по этническому признаку. Социальные противоречия получают на уровне обыденного сознания этническую интерпретацию, т.е. сводятся к проблемам развития взаимоотношений этнических общностей и к проблемам развития «собственной» общности в качестве этноса. В этой связи справедливо замечание В. А. Катунина: «Одни и те же трудности в этнически однородных общностях не воспринимаются как следствие национальных противоречий (их нет внутри) и могут приобрести такое понимание лишь в этнически разнообразных общностях» [2, с. 26]. В качестве внутренней причины актуализации именно этнической идентичности Н. М. Лебедева отмечает возникновение у людей неуверенности в позитивности образа «Мы-группы», увеличения роли эмоционально-аффективного компонента этничности в общей схеме социальной идентичности [3].

В психологическом смысле латентная межэтническая напряженность существует всегда, поскольку изначальной особенностью этнического самосознания является его дихотомичность, тенденция делить весь мир на «чужих» и «своих». В результате потенциально любые межэтнические и, нам представляется, межкультурные отношения предрасположены к развитию напряженности. Именно в условиях социального кризиса принимают четкие очертания все специфические и скрытые особенности той или иной конкретной этнической идентичности.

Наш подход к анализу проблемы этнической идентичности эрзян и мокшан обусловлен тремя главными факторами: во-первых, особенностями этноструктуры эрзян и мокшан, с которой связано иерархическое строение их этнического самосознания; во-вторых, социально-психологической традицией, которая требует рассмотрения структурных компонентов этнического самосознания (в первую очередь этничности, этнических установочных образований) в контексте развития межгрупповых взаимодействий; в-третьих, изучением данных аспектов этнического самосознания как социального феномена, предполагающего анализ специфики этнической ситуации в республике Мордовия.

Краеугольной в рассмотрении теоретических вопросов этнического самосознания эрзян и мокшан является проблема его структуры. По мнению Н. Ф. Мокшина, с одной стороны, мы видим устойчивость собственного мокшанского и эрзянского самосознания. С другой – те же мокшане и эрзяне претендуют на приоритет именоваться мордвой, поскольку все более осознают, что являются двумя составными частями единого мордовского народа [4].

Проведенные в 1973–1974, 1985–1986, в 1990-е и других годах крупные этносоциологические исследования продемонстрировали устойчивые показатели эрзянской, мокшанской, а не общемордовской этнической самоидентификации. В 1959 году, согласно переписи населения, только 0,04 % от всей численности эрзян и мокшан, проживавших тогда в Мордовии, назвали себя мордвой. Большинство опрошенных отнесли себя к эрзе или мокше. Результаты этносоциологического исследования 1973–1974-го годов показали, что более половины всех респондентов причисляют эрзян и мокшан к разным народам. Причем сторонников называться эрзей или мокшей подавляющее большинство [1, с. 25]. Проведенное в 1985–1986 годах под руководством В. И. Козлова исследование в районах Мордовии продемонстрировало схожие результаты: около 95 % опрошенных эрзян и мокшан на вопрос о национальной принадлежности также отнесли себя к эрзе или мокше [1, с. 17]. Такая этническая самоидентификация отодвигается на второй план в широком межэтническом контексте общения, то есть когда речь идет о сопоставлении себя с другими народами. Однако в последние годы, в условиях общего снижения роли этнокультурных ценностей у молодёжи, растет количество причисляющих себя именно к мордве и без дополнительных поправок.

На самом первом иерархическом уровне этнической идентичности у большинства эрзян и мокшан выявляется, как это было показано выше, самоидентификация с эрзей или мокшей. Этот идентификационный уровень определяется ими именно в связи с существованием «других», которых русские и другие народы причисляют к мордве и таким образом стирают грань между эрзянами и мокшанами. Но она остается очевидной для последних. Самый внутренний идентификационный уровень категории «мы» у большинства эрзян и мокшан (особенно сельских жителей) связан с четким определением неуловимой для других, но явной для себя этнической границы.

Этническая граница – это не государственная и даже не культурная граница, с социально-психологической точки зрения, это результат психологической дистанцированности этнофоров от «других», итог осознания того, где «мы», а где «они». Культурные отличия являются лишь естественным и удобным индикатором проведения этой границы. В реальности граница – в психологических представлениях этнофоров. Если роль

культурных различий падает вследствие объективных причин, то значимыми остаются психологические установки. Безусловно, речь здесь идет не об обосновании антагонизма между эрзянами и мокшанами, но о существовании очевидной для них различительной границы. Поскольку в роли «других» на первом уровне этнической идентификации выступают эрзя или мокша, то из способов видимой защиты от них является охрана этноразличительных для этого уровня этнических признаков.

Более глубокий психологический анализ этнической идентичности эрзян и мокшан, а также психологического фона их взаимоотношений возможен с помощью комплексного и широкомасштабного эмпирического исследования. Нашей же задачей было определение характерных очертаний этнической идентичности студентов-эрзян в сравнении с этничностью мокшанских, татарских, русских респондентов, а также в сопоставлении с аналогичными данными по другим республикам России. Материал исследования собирался в январе-сентябре 2013 года.

Объектом нашего эмпирического исследования явились 140 студентов историко-социологического института, а также института дополнительного образования Мордовского государственного университета, из которых 35 – мокша, 35 – эрзя, 35 – русские, 35 – татары. Возрастные особенности выборки (18–21 год) обусловили наше особое внимание в подготовке стимульного материала исследования и интерпретации его результатов. Основные этапы исследования: на первом этапе исследования респондентам было предложено ответить на вопросы этнопсихологической анкеты, составленной нами в соответствии с целями и задачами данной работы; на втором этапе проводился Диагностический тест отношений; третий этап был посвящен проведению методик «Типы этнической идентичности» и «Этническая аффилиация».

Анализ результатов носил сравнительный характер и проводился по четырем группам: русской, эрзянской, мокшанской, татарской. Показательным является сравнение коэффициентов амбивалентности, выраженности и направленности автостереотипов. Наибольшей определенностью этнические автостереотипы отличаются у татарских респондентов. Для всех групп респондентов характерно позитивное отношение к собственной этнической группе, но и в этом отношении татарские респонденты проявили большую приверженность собственной этнической общности, чем остальные, в среднем в 1,27 раза. Сравнительные результаты по этой методике представлены в таблице 1.

Таблица 1

Средние величины коэффициентов амбивалентности (А) и выраженности (S) самооценки, оценки «Идеал», автостереотипов и гетеростереотипов

Вид	Русские		Эрзяне		Мокшане		Татары	
оценки	A1	S1	A2	S2	A3	S3	A4	S4
«Я-образ»	0,36	0,28	0,37	0,34	0,33	0,31	0,25	0,42
Идеал»	0,21	0,54	0,30	0,47	0,29	0,52	0,19	0,66
русский»	0,30	0,35	0,42	0,22	0,32	0,24	0,27	0,31
эрзя	0,27	0,13	0,35	0,24	0,71	0,07	0,39	0,26
мокша	0,28	0,12	0,68	0,09	0,33	0,26	0,43	0,28
татарин	0,32	0,19	0,39	0,15	0,41	0,17	0,21	0,40

Сравнивая средние величины коэффициентов амбивалентности гетеростереотипов, можно заметить, что самая высокая определенность в оценках образов других этнических общностей – у русских. Последние несколько увереннее высказывали свое отношение к оцениваемым объектам. Значения коэффициентов амбивалентности в оценках русскими «типичного» мокшанина и «типичного» эрзянина в равной степени даже на 0,3–0,4 единицы ниже величины собственного автостереотипа, что означает более высокую поляризацию качеств в первых оценках. Следовательно, представления русских о негативных и позитивных качествах эрзян и мокшан носят сравнительно определенный характер. Причем, значения коэффициентов определенности данных гетеростереотипов русских фактически идентичны: 0,27 – в оценке «типичного» эрзи и 0,28 – в оценке «типичного» мокши. Это означает, что русские не выделяют каких-либо особых различий в соотношении характерологических качеств у представителей данных общностей. В то же время показатели позитивной направленности данных гетеростереотипов русских несколько ниже, чем в отношении татарина: соответственно. В сопоставлении с данными этнопсихологического опросника можно говорить о наличии у русских респондентов некоторой степени предубежденности к мордве. С высокой внутригрупповой согласованностью (около 75 % опрошенных) первые характеризуют мордву такими качествами: «упрямые», «настырные», «хитрые», «неуступчивые» и другие.

В свою очередь эрзянские и мокшанские респонденты с несколько большей эмоциональной позитивностью относятся к русским, чем наоборот. Соответствующие коэффициенты гетеростереотипов эрзян и мокшан – 0,22 и 0,24. Значение коэффициентов амбивалентности данных гетеростереотипов практически идентичны соответствующим значениям собственных автостереотипов. Создается впечатление, что мордовские респонденты относятся критичнее к своим субэтническим образам, нежели к русскому. Они

скорее уверены в присутствии того или иного положительного качества именно у «типичного» русского, чем у собирательного образа своей общности.

Однако в первую очередь нас интересуют взаимные гетеростереотипы эрзян и мокшан. Соответствующие показатели положительной направленности в среднем в 3,1 раза ниже, чем при оценке «типичного» русского. Соответственно у эрзянских респондентов – 0,09 и 0,24; у мокшанских респондентов – 0,07 и 0,26. Это означает достаточно выраженный низкий уровень позитивного эмоционального отношения друг к другу. В целом ряде случаев направленность данных гетеростереотипов – выраженно негативная. Отрицательный эмоциональный заряд содержится во взаимных оценках таких пар качеств: «любопытный – лезет в чужие дела», «чувствительный – нервный», «непринужденный – наглый», «находчивый – хитрый» и других. Причем число пар качеств, имеющих уже отрицательный в минимальной степени эмоциональный заряд, превышает 30 % от общего числа оцениваемых пар во взаимных этнических образах. В сравнении, число негативных оценок русскими эрзи-мокши – в среднем 10 % от числа всех пар качеств.

Эрзянские респонденты в наименьшей степени дифференцируют себя от русских. Соответствующий показатель (0,12) в максимальной степени приближен к показателю этнической самоидентификации (0,10). Степень дифференциации повышается при соотнесении «себя» с татарами – 0,24; еще выше она при соотнесении с мокшанами (с которыми в широком межэтническом контексте взаимодействий эрзян объединяет мордовская этническая идентичность) – 0,32.

Мокшанские респонденты также в незначительной степени дифференцируют себя от русских, но эрзянскую общность мокшане «ставят» нередко дальше, чем татарскую, которая действительно в силу этнокультурных особенностей и по их психологическим универсалиям (поддержание брачно-семейной эндогамии, андроцентризм) естественным образом психологически несколько отдалена. Данный факт находится в рамках так называемого «парадокса этнической дистанции», согласно которому близкие этнокультурно и соседствующие территориально этнические группы (общности) в своих национальных представлениях взаиморазличий находят всегда больше, чем в дистанцированных (этнокультурно, территориально) народах, группах. А в нашем случае ситуация осложняется и неоднозначной этнической идентичностью большинства эрзян и мокшан.

Рассмотрим важнейший показатель состояния этнической идентичности – характер этноаффилиативных мотивов респондентов. В отношении всей мордовской выборки полученные результаты позволяют говорить об общем позитивном характере оценки своей этнической принадлежности. В отличие от других национальных самопредставлений она не носит сверхпозитивной определенности, как это просматривается у татарских респондентов.

Среди татар как представителей более коллективистской культуры выраженность аффилиативных тенденций (например, «никогда не забываю о своей этнической принадлежности», «человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы») оказалась существенно выше, чем среди русских. Соответственно среди русских и мордовских респондентов были популярны противоположные тенденции. «Не имеет значение национальность», «необязательно ощущать себя частью своего народа» – так считают 68 % опрошенных нами русских респондентов и 47 % мордовских.

Рассматривая результаты проведения методики «Типы этнической идентичности», удалось выявить, что большинство эрзянских респондентов обладают нормой этнической идентичности, то есть достаточным уровнем позитивного отношения к своей этнической общности: 79 % опрошенных находятся в рамках нормы этничности. Проведенный анализ содержательного аспекта этнической идентичности студентов-эрзян (на примере МГУ имени Н.П. Огарева) показал: эрзянские респонденты продемонстрировали достаточный уровень позитивного отношения к своему этническому статусу, при полном отсутствии этноцентрично настроенных ответов и минимальном – этнонигилизма. Однако достаточно высокий уровень этноиндифферентности говорит о формальном, декларативном статусе этой идентичности у эрзянских студентов, которая в лучшем случае проявляет себя как языковая или идентичность по месту проживания. Этноаффилиативные тенденции эрзянских студентов (в сопоставлении с данными масштабных исследований) носят слабовыраженный характер, личностные предпочтения не взаимосвязаны с этническими, это говорит о достаточно низком уровне взаимосвязей современного молодого эрзи и этноса, к которому он формально принадлежит.

В ходе эмпирического исследования выяснилось, что степень идентификации с собственной этнической общностью у представителей всех исследуемых групп оказалась достаточно высокой. Самая высокая степень этнической самоидентификации выявлена в группе татарских студентов. В отличие от других национальных самопредставлений она носит даже сверхпозитивный характер. Среди студентов-эрзян и мокшан выраженность этноаффилиативных тенденций (например, когда характерны выражения «никогда не забываю о своей этнической принадлежности», «человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы») оказалась маловыраженной.

Эрзянские респонденты при высоком уровне формального позитивного отношения к своему этносу обнаруживают толерантное отношение к представителям других этнических общностей. По целому ряду эмпирических показателей выявлена готовность эрзянских и мокшанских студентов к различного рода межэтническим взаимодействиям. Национальные предпочтения мокшан, в отличие от эрзян и татар, чаще оказываются на первом месте,

особенно если это касается вопросов брака, семьи, бытовых контактов. В этом случае этническая идентичность и личные предпочтения не взаимосвязаны. Таким образом, в сравнении с мокшанами именно эрзянские респонденты склонны несколько меньше защищать свой этнический статус в межличностных отношениях. Эрзянские респонденты, мало ориентируясь в личных контактах на внутриэтническую среду, тем не менее нередко отдаляют от себя и мокшанина, и татарина, а в наибольшей степени приближают русского. Таким образом, исчезновение психологической границы в отношениях молодых эрзян мокшан и представителей русских, а также других народов – это норма современных этнопсихологических реалий, что в конечном итоге объясняет дальнейшее развитие ассимиляционных процессов в данном регионе России.

Список литературы

1. Гурьянов С.К. Самосознание мордовского народа. – Саранск: Знание, 1993. – 28 с.
2. Катунин В.А. Некоторые причины возникновения межэтнической напряженности // Этнические конфликты в СССР. Причины, особенности, проблемы изучения. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991. – С. 26–31.
3. Лебедева Н.М. Русская диаспора : диалог цивилизаций и кризис социальной идентичности // Психол. журнал. – 1996. – № 4. – С. 32–42.
4. Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – 160 с.
5. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

Рецензенты:

Андронов В.П., д.псих.н., профессор кафедры психологии ФБГОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева», г. Саранск.

Мешков Н.И., д. псих.н., профессор кафедры психологии ФБГОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева», г. Саранск.